Кропоткин
ЛМ
К 83
Последствия германского...
М, 1917

Совѣтъ Всероссійскихъ Кооперативныхъ Съѣздовъ.

П. Кропоткинъ.

ПОСЛѢДСТВІЯ ГЕРМАНСКАГО ВТОРЖЕНІЯ.

(Изданіе, разрѣшенное и дополн. авторомъ).

Цѣна 30 коп.

МОСКВА
1917.

ГОСУДАРСТВ. ПУБЛИЧНАЯ
ИСТОРИЧЕСКАЯ
БИБЛИОТЕКА
533920 М

1961

Тип. Т-ва «Кооп. Изд.», Б. Дмитровка, 26.

I.

Что всѣ воюющіе народы жаждутъ мира,—въ этомъ нѣтъ никакого сомнѣнія. Во всѣхъ народахъ Европы чувствуется истощеніе силъ послѣ трехлѣтняго напряженія, и это истощеніе сознается въ Германіи такъ же, какъ и во Франціи; въ Австріи столько же, сколько и въ Россіи.

Но для заключенія мира требуется соглашеніе *двухъ* сторонъ. Одной мало. Между тѣмъ въ Германіи, почти во всѣхъ слояхъ народа такъ сильна еще вѣра въ возможность удержать за Германской имперіей всѣ области, захваченныя ея войсками, что громадное большинство германскаго народа не проявило до сихъ поръ никакого желанія сдѣлать нужные шаги, чтобы предложить союзникамъ пріемлемыя для нихъ условія мира. Честный отказъ отъ сдѣланныхъ въ теченіе войны захватовъ на западѣ и на востокѣ до сихъ поръ считается въ Германіи немыслимымъ, чуть не позорнымъ.

Напротивъ того, по мѣрѣ того какъ растетъ разруха въ русской арміи и въ Россіи вообще, требованія германскаго правительства, а съ нимъ и большинства представителей народа, растутъ непомѣрно. Въ этомъ отношеніи представители германскихъ рабочихъ не составляютъ исключенія.

Спросите любаго освѣдомленнаго и вдумчиваго русскаго соціалъ-демократа, отчего его партія не по-

просила до сего времени германскую соціалъ-демократическую партію (ея большинство, представленное въ рейхстагѣ 92-ми членами), а также три милліона рабочихъ, организованныхъ въ синдикаты, прислать намъ *ихъ* условія мира. И вамъ, несомнѣнно, отвѣтятъ: „Мы думали объ этомъ; но едва ли это желательно".

Почему? Потому что условія мира, которыя предложатъ нѣмецкая соціалъ-демократія и нѣмецкіе рабочіе синдикаты, произведутъ скверное впечатлѣніе, *обнаружатъ завоевательныя стремленія германцевъ, даже среди ихъ передовыхъ партій.* Требованія же націоналъ-либераловъ, а тѣмъ болѣе правыхъ партій, идутъ еще дальше. Въ этихъ партіяхъ еще живутъ всѣ завѣты Бисмарка, Трейчке, Бернгарди и фонъ-Бюлова.

Мыслящіе люди среди германцевъ, конечно, понимаютъ, что *удержать* за собой области, захваченныя арміями, образцово-подготовленными для внезапнаго нападенія, невозможно, не затянувъ войны еще на два-три года. А этого Германія не выдержитъ. Но, видя слабость Россіи, видя нашу внутреннюю разруху и неспособность русскихъ армій оказать серьезное сопротивленіе, большинство нѣмцевъ вѣритъ своему правительству и Гинденбургу въ томъ, что они *до наступленія зимы* заставятъ русское правительство подчиниться ихъ требованіямъ и заключить миръ на самыхъ ужасныхъ для Россіи условіяхъ. Для этого нѣмцамъ достаточно будетъ,—говорятъ они, — серьезно двинуться на Петроградъ и Одессу.

Съ каждымъ „отходомъ" русскихъ войскъ пе-

редъ слабыми нѣмецкими силами, *требованія Германіи растутъ.*

Если случится ещеодинъ такой „отходъ“, какъ въ Тарнополѣ или Ригѣ,—отъ насъ потребуютъ не только Польшу, Литву и Курляндію, но и все побережье Финскаго залива и всю Бессарабію. Германцы потребуютъ отъ насъ того, чему ихъ пресерьезно учили сорокъ лѣтъ въ университетахъ и гимназіяхъ, т. е., чтобы русскіе „азіаты“ удалились на востокъ отъ Москвы.

Чѣмъ податливѣе оказываются наши арміи, тѣмъ тяжелѣе и свирѣпѣе оказываются требованія германцевъ отъ насъ и отъ нашихъ союзниковъ. Иначе и быть не можетъ.

II

Чего слѣдуетъ ожидать отъ нѣмецкихъ армій, если онѣ дойдутъ до Петрограда, совершенно ясно изъ того, что онѣ дѣлали въ Бельгіи и Польшѣ.

Во-первыхъ, нѣмцы, конечно, не займутъ Петрограда, *не обезпечивъ себѣ продовольствія изъ внутреннихъ губерній Россіи.*

А ради этого, они, идя на Петроградъ соединенными усиліями арміи и громаднаго флота, очевидно, постараются въ то же время продвинуться по линіи Псковъ—Бологое—Рыбинскъ, чтобы проложить себѣ путь къ верхней Волгѣ и центральнымъ русскимъ губерніямъ. Одновременно съ этимъ они неизбѣжно постараются связать свои завоеванія на сѣверѣ съ южно-русскими желѣзными дорогами.

Во-вторыхъ, завоевывая русскія области, они будутъ дѣлать въ нихъ, для предотвращенія попытки народнаго возстанія, совершенно то же, что дѣлали въ Бельгіи. Со времени войны 1870—1871 года германскія арміи боятся всенароднаго возстанія хуже чумы, а потому, занимая города и деревни, онѣ строго прикажутъ офицерамъ, какъ это было сдѣлано въ Бельгіи, при первомъ же выстрѣлѣ, раздавшемся изъ народа, при первомъ крикѣ Man hat geschossen! („Въ насъ стрѣляли!") разстрѣливать мужчинъ, пачками человѣкъ по ста, а женщинъ—заставлять рыть на улицахъ могилы и закапывать въ нихъ жертвы паническаго страха, охватывающаго нѣмецкія войска при одномъ намёкѣ на народное возстаніе.

Такъ дѣлали они съ первыхъ же дней войны въ Малинѣ, Эршотѣ и т. д. въ Бельгіи, и такъ будутъ они поступать въ русскихъ городахъ, строго исполняя правила, изложенныя въ наказахъ и руководствахъ ихъ генеральнаго штаба.

Затѣмъ, слѣдуя той же политикѣ, какой они слѣдовали въ Бельгіи, нѣмцы будутъ выбирать изъ рабочаго населенія наиболѣе крѣпкихъ и здоровыхъ и отсылать ихъ въ рабство, въ тѣ области, которыя они рѣшатъ оставить за собою, — Лифляндію, Курляндію, Литву,—или въ Пруссію. Тамъ ихъ заставятъ работать на войну противъ своихъ-же русскихъ братьевъ. Десятки тысячъ человѣкъ, старыхъ и молодыхъ, юношей и дѣвушекъ, были увезены такимъ образомъ изъ Бельгіи въ подлинное рабство въ Германію, точь-въ-точь какъ дѣлали римляне, покоряя галловъ. Ничто не помѣшаетъ нѣмцамъ поступить такъ же съ русскими, причемъ не мѣшаетъ также помнить, что

нѣмцы всегда дѣлали различіе между областями, которыя они надѣялись удержать за собой, и тѣми, изъ которыхъ они были вынуждены отступить. Съ этими послѣдними они обращались просто звѣрски.

Обо всемъ этомъ, конечно, умалчиваютъ наши циммервальдисты и ихъ друзья. Но все это засвидѣтельствовано сотнями тщательно провѣренныхъ и абсолютно достовѣрныхъ показаній, фотографій со звѣрскихъ приказовъ германскихъ генераловъ и т. п.; все это провѣрено комиссіями, заслуживающими полнаго довѣрія.

Затѣмъ нѣмецкія арміи, кормясь за счетъ завоеванныхъ областей, будутъ посылать отряды войскъ, отбирать по деревнямъ всѣ съѣстные припасы и попросту грабить населеніе.

Изъ отчетовъ цѣлаго ряда международныхъ комиссій извѣстно, какъ нѣмцы вотъ уже три года грабятъ Бельгію. Я говорю не о томъ, что какой-нибудь генералъ или „комендантъ“ грабилъ частные дома, — это встрѣчается во всѣхъ войнахъ: я говорю о формальномъ, сверху утвержденномъ и узаконенномъ рейхстагомъ грабежѣ цѣлой страны. Стоитъ только вспомнить, какія шальныя, милліонныя контрибуціи взыскивали германскія арміи съ бельгійскихъ городовъ, и какія взысканія натурою,—въ десятки тысячъ бутылокъ вина и сотни тысячъ папиросъ, — они налагали на небольшіе города,—все это вопреки постановленіямъ международнаго права и конвенціямъ, подписаннымъ всего за нѣсколько лѣтъ до войны представителями самой Германіи на международныхъ конференціяхъ.

Мало того, Германія отобрала у жителей Бельгіи

бесусловно всю мѣдь, т. е. всю ихъ мѣдную посуду, нерѣдко составлявшую все, что было цѣннаго у рабочей или крестьянской семьи; мѣдныя скобки у дверей, телефонныя проволоки, мѣдныя части машинъ и т. д. Также отобраны были все олово и никкель.

Послѣ этого стали отбирать всѣ волокнистыя вещества,—ленъ, пеньку, хлопчатую бумагу, шелкъ, непромокаемыя ткани, одѣяла, мѣшки, линолеумъ, скатерти, нитки, даже матрацы и подушки. Наконецъ, нѣмцы составили,—вполнѣ „научно“, — изслѣдованія всѣхъ деревень и городовъ и обложили каждую общину налогомъ во столько-то фунтовъ шерсти. Въ случаѣ недобора этого шерстяного налога община должна была платить по 75-ти марокъ за каждый недостающій фунтъ.

И такъ дѣлалось во всемъ. Конечно, въ Бельгіи, какъ и вездѣ, есть ловкіе люди, пользующіеся ужаснымъ положеніемъ страны, чтобы нажиться на мелкой и крупной торговлѣ. Но масса населенія давно вымерла бы голодной смертью, если бы ее не кормилъ международный комитетъ, и распредѣленіе ввозимой комитетомъ пищи не взяли на себя американцы.

Такое же разореніе внесутъ нѣмецкія арміи и у насъ, если онѣ проникнутъ еще глубже въ Россію. А между тѣмъ въ „очередяхъ“ въ Москвѣ вы слышите такія рѣчи: „Что-жъ! Если нѣмцы придутъ въ Москву, хуже не будетъ: у всѣхъ будетъ хлѣбъ. У нѣмцевъ нѣтъ бѣдныхъ и богатыхъ“ И такія рѣчи, нашептываемыя всякими темными личностями изъ царской охранки и изъ нѣмецкихъ источниковъ, повторяются вслухъ въ „очередяхъ“, тогда какъ о грабежахъ, совершаемыхъ нѣмцами въ Бельгіи, никто не

рѣшается говорить, — не то изъ боязни посѣять народную вражду, не то изъ страха навлечь на себя гнѣвъ циммервальдистовъ.

III.

Но не одно разореніе во время войны ждетъ русскій народъ, если мы вынуждены будемъ заключить „нѣмецкій“ гинденбургскій миръ, наложенный на насъ съ ножомъ къ горлу. Если будетъ заключенъ такой миръ,—а именно на него толкаютъ насъ циммервальдисты и лже-интернаціоналисты,—то разореніе будетъ продолжаться десятки лѣтъ, такъ какъ русскому народу придется выплачивать громадную контрибуцію, или—что сводится къ тому же, — громадныя подати, наложенныя на Россію коммерческими трактатами, заключенными въ пользу Германіи. У насъ есть, конечно, люди, увѣряющіе нашу темную, малограмотную бѣдноту, что „если нѣмцы наложатъ на насъ контрибуцію, ее заплатятъ богатые; бѣднымъ нечѣмъ платить“,—такъ учатъ русскій рабочій людъ тѣ-же учителя. И рабочій людъ вѣритъ имъ.

Но каково это слышать намъ, когда мы видѣли, какъ во Франціи рабочій людъ,—мастеровые, крестьяне и всѣ вообще,—въ теченіе долгихъ лѣтъ выплачивалъ контрибуцію послѣ разгрома Франціи нѣмцами въ 1871 году?

Были тогда и во Франціи агитаторы, увѣрявшіе рабочихъ, что контрибуцію заплатятъ богатые. Но всѣ доходы милліонеровъ тогдашней Франціи, вмѣстѣ взятые, не покрыли бы и десятой доли контрибуціи въ пять милліардовъ, наложенной Бисмаркомъ. Вып-

латили ее, какъ всегда выплачиваютъ всѣ государственные долги и налоги, десятки милліоновъ трудового населенія; выплатили тяжелыми податями и налогами на все: на пищу, на одежду, на спички, на свѣтъ въ избѣ, на окно въ крестьянской хижинѣ, на образованіе. И это такъ разорило Францію, что даже черезъ 15 лѣтъ послѣ 1871 года она еще не могла давать путнаго первоначальнаго обученія всѣмъ своимъ дѣтямъ. Не хватало денегъ, и одну треть дѣтей приходилось оставлять въ рукахъ невѣжественныхъ монахинь!

Я не говорю уже объ условіяхъ, которыя конечно наложитъ на насъ торжествующая Германія, чтобы поработить русскую промышленность и русскій народъ *экономически*.

Есть тысячи способовъ ограничить ту или другую отрасль русской промышленности,—напр. выдѣлку стали, машинъ, ситцевъ и т. п., и заставить насъ покупать эти товары въ Германіи; или-же ограничить нашъ вывозъ нефти и сырья вообще въ другія страны, кромѣ Германіи, и понизить, какъ заработную плату нашимъ рабочимъ, такъ и цѣнность русскаго рубля. *Всѣми этими способами широко воспользуются нѣмецкіе капиталисты*, если они будутъ диктовать намъ условія мира. „Нѣмецкій“ миръ неизбѣжно приведетъ насъ къ экономическому порабощенію.

Но есть еще одно послѣдствіе „пораженческаго“ мира, еще болѣе ужасное, чѣмъ контрибуція и разореніе страны, и я вамъ скажу о немъ нѣсколько словъ. Это—*психологія побѣжденной страны*.

Я знаю эту психологію, создавшуюся во Франціи послѣ пораженія 1871 года; тридцать съ лишнимъ

лѣтъ мы переживали ее. Только въ началѣ 1900-хъ годовъ замѣтилъ я первые признаки выздоровленія Франціи отъ гнетущаго чувства, принижавшаго всю психику французскаго народа послѣ военнаго разгрома, послѣ потери двухъ богатыхъ областей, уплаты контрибуціи и тяжелыхъ, унизительныхъ условій франкфуртскаго мира, запрещавшихъ французскому народу даже принимать мѣры для самозащиты. Всѣ эти годы Франція жила подъ страхомъ новаго разгрома Германіей, едва только Берлину не понравится ея *внутренняя,* демократическая, республиканская политика, или едва французская демократія не угодитъ русскому царю,—ея единственному возможному союзнику.

Угнетенное настроеніе сказывалось тогда во всемъ. Чувство безнадежности, сознаніе своего безсилія, потеря вѣры въ свой народъ и въ свое будущее охватили всю страну. *Потеря вѣры въ самихъ себя* чувствовалось даже въ лучшихъ, недавно еще дерзки-смѣлыхъ борцахъ. Съ упадкомъ вѣры въ свои собственныя силы являлась готовность искать спасенія откуда бы то ни было извнѣ, а не то просто въ чудѣ. И отражалось это во всемъ: въ литературѣ, въ наукѣ, въ возрожденіи мистики, въ философіи, въ упадкѣ общественной нравственности, въ равнодушіи къ судьбамъ Франціи и міроваго прогресса вообще, а слѣдовательно,—что было все хуже — *въ вялости творчества жизни,* безъ котораго народъ можетъ только прозябать.

Чувствовать это, переживать это— такой ужасъ, что когда я случайно упомянулъ объ этой психологіи побѣжденнаго народа съ трибуны Московскаго Со-

вѣщанія и въ нѣсколько секундъ пережилъ въ воспоминаніи наболѣвшее въ сердцѣ за эти тридцать лѣтъ, я долженъ былъ употребить надъ собою невѣроятное усиліе, чтобы тутъ же не быть вынужденнымъ оборвать свою рѣчь.

А между тѣмъ развитіе такой психологіи въ *побѣжденномъ* народѣ неизбѣжно. Общественная самозащита противъ чужеземныхъ и внутреннихъ угнетателей — такое *основное* чувство для человѣческаго общества, что измѣна этому чувству роковымъ образомъ ведетъ за собою ослабленіе самыхъ основныхъ началъ всякой общественности. Развивается мысль: „моя хата съ края;“ личная нажива возводится чуть не въ принципъ, и соотвѣтственно ослабляется чувство *взаимности*, солидарности, круговой поруки въ жизни народа. Утрачивается сознаніе *равенства въ правахъ всѣхъ членовъ общества* и является роковое послѣдствіе, — утрата вѣры въ основныя начала общественности, даже въ самихъ себя.

Ни одному народу не пожелаю я того, что пережила Франція за эти годы, тѣмъ менѣе Россіи, освобождающейся отъ вѣкового ига. И ужасъ беретъ меня при мысли о томъ, что готовятъ Россіи наши проповѣдники гинденбургскаго мира, въ какую бездну нравственнаго паденія влекутъ они за собой несчастный, безграмотный, дѣтски-довѣрчивый русскій народъ.

Москва, 12 ноября 1917 г.

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ИСТОРИЧЕСКИЙ МУЗЕЙ